

Один день спустя:

Принцесса Генриетта просыпается, и стон боли вырывается из ее рта, когда она поднимает голову с кровати. Ее рука поднимается к шее, где были кандалы Майкла, и она гримасничает, когда чувствует влажную повязку, закрывающую ее раны от ожогов.

"Ты проснулась", - раздается сзади мужской голос, заставляя принцессу вздрогнуть и посмотреть в ту сторону. Только сейчас она наконец-то рассмотрела свое окружение.

Она лежала на каких-то тканях, расстеленных на поляне в лесу. Хотя, судя по фауне, она все еще была в своей стране... Надеюсь. "Где я?" - спросила она, повернувшись к бородатому мужчине, сидящему на ближайшем пне.

Ральф пожимает плечами: "Где-то. Это не имеет значения, просто делай, что мы говорим, и ты вернешься невредимой", - заявил он, его тон был безвкусным и, честно говоря, довольно скучным.

Генриетта качает головой и убирает с лица неухоженные и беспорядочные волосы: "Вы. Я вас знаю. Вы - Ральф Каликер, разыскиваемый Альбионом за измену..."

Ральф кивает: "Да. И моя честь осталась нетронутой, чего не скажешь о моих бесстрастных коллегах".

"Как вы можете заявлять о чести, будучи соучастником моего похищения, просто абсурдно. Но я полагаю, что разум и рациональность никогда не имели значения ни для вас, ни для Майкла", - с горечью произносит она.

Ральф нахмурил брови: "А что вы можете знать о чести, принцесса? Вы родились в роскоши, вам было даровано все, в Тристейне не было ни одного человека, который бы вас не обожал, и вы были наследницей всего королевства... Все, что вам нужно было делать, это исполнять свой долг... И все же, даже ради безопасности своего народа, вы отказались... Ваше письмо принцу Уэльскому, убийство Тейтера Грамона, даже привлечение Луизы Вальер к вашему делу - все болезни, поразившие Тристейн, можно напрямую связать с вашим эгоизмом... Такой человек, как вы, не имеет права судить о моей чести", - быстро отвечает он, гнев просачивается в его тон, чем больше он освещает недостатки Генриетты.

Генриетта только покачала головой: то, что он сказал, было в основном правдой, за исключением смерти Тейтера Грамона. Конечно, никто ей не поверил. Ее плечи опускаются, она опирается лбом на руку, размышляя, что ей теперь делать. "Итак, как долго меня будут держать в заложниках?" - спрашивает она.

Ральф пожимает плечами: "Майкл ушел, чтобы оставить свое послание в руках дворцовой стражи. Если они выполнят наши просьбы, тебя вернут к вечеру или завтра утром".

После этого никто ничего не говорит, и на поляне воцаряется напряженная тишина... Только появление Тиффании снова привлекло внимание принцессы. Ее взгляд мгновенно остановился на длинных эльфийских ушах Тиффании. "Хм, я думала, что слухи были ложными. Что ты добровольно предал свою страну, чтобы поступить на службу к эльфам. Представь, что подумает церковь?" - говорит она, даже не глядя на Ральфа, продолжая сканировать форму Тиффании.

"Твоя внушенная ненависть к ней лишь доказывает, насколько ты недостойна своего положения... Или, может быть, люди хотели, чтобы их вела фанатичная, глупая принцесса?"

Ральф ворчит, встает и берет связку палок и хвороста, которую несла Тиффания. Он складывает их в кучу вместе с остальными и начинает уходить с поляны: "Полагаю, теперь моя очередь. Присмотри за ней, и не дай ей выкрутиться, Тиффания", - говорит он, уходя, больше для того, чтобы уйти от надоедливой принцессы, чем ради чего-то другого.

Ральф уходит, оставляя Тиффанию неловко стоять на поляне, а Генриетта все еще смотрит на нее. Они оба молчат какое-то время, прежде чем Генриетта наконец решает заговорить: "Итак, почему ты решила заключить союз с ним и Майклом? Я не думала, что такой добрый человек, как вы, будет сопровождать таких мерзавцев, как они", - резко спросила она, как будто не она была заложницей в этой ситуации.

Тиффания смотрит между тем местом, куда ушел Ральф, и пнем, на котором он сидел, размышляя, стоит ли ей просто уйти или заложить в уши воск, чтобы не слышать принцессу. Вздыхнув, она решает сесть и, возможно, попытаться поговорить с этим человеком... Судя по тому, что говорили о ней Майкл и Ральф, она не казалась такой уж плохой. "Они спасли меня..."

"Они спасли тебя?" непонимающе спросила Генриетта.

Тиффания слегка улыбается и кивает: "Оба... Я жила в Альбионе, но меня обнаружили жители деревни. Они похитили меня, притащили в Цендри и сожгли заживо... - она теребит кольцо без драгоценных камней на пальце, - Если бы Майкл не использовал кольцо моей матери, чтобы вернуть меня, мои обгоревшие останки до сих пор были бы привязаны к тому бревну... - выражение ее лица темнеет, когда она обращает тяжелый взгляд на Генриетту, - Так что я не позволю тебе оскорблять их! Ты ничего не знаешь о них, кроме того, что тебе расскажут наши враги. Так что молчи и жди, пока твой народ даст нам то, что мы хотим, и мы сможем разойтись мирно", - заявляет она, достает книгу и начинает читать ее, подразумевая, что разговор окончен.

Генриетта слегка ошеломлена ответом Тиффании на ее слова, не зная, что ей вообще следует сказать... Прежде всего, трудно было поверить, что этот эльф был сожжен до смерти и вернулся... Это звучало как чудо, сотворенное самим Бримиром, но она говорила это с такой уверенностью, что трудно было спорить. Неужели эти Ральф и Михаэль сбили ее с толку, заставив поверить в подобное? Нет, Генриетта слышала о Цендри, маленьком городке на Альбионе, который был сожжен дотла Лжефамильяром, что придавало ее рассказу некоторую долю достоверности.